

ЖИЛЫЕ ЗАПИСИ (К ИСТОРИИ НАЙМА В XVII в.)

Н. А. ГОРСКАЯ

Жилые записи как особый вид документов известны начиная с XVII в. Перемены в положении добровольных слуг и кабальных людей, фиксированные и закрепленные указом 25 апреля 1597 г., были огромны. К началу XVII в. единственным возможным способом привлечения рабочих рук, декретированным этим законом, являлась служилая кабала «по-живот» хозяина. Добровольная служба без записи разрешалась только лишь в течение 6 месяцев, после этого человек должен был дать на себя ту же служилую кабалу. Этот закон, несомненно, сыграл сособую роль в истории развития элементов найма в феодальный период истории Руси, которую необходимо учитывать при изучении возникновения и развития новой формы привлечения рабочей силы — отношений по жилым записям.

Как конкретное явление XVII в. жилые записи должны рассматриваться прежде всего в свете тех условий, которыми были порождены фиксированные в них отношения, причем как явление закономерное на данном историческом этапе. Задачи, которые мы ставим перед собой, будут следующими: во-первых, проследить эволюцию сущности жилой записи, выражающуюся в изменении характера эксплуатации, которой подвергается работающий по такой записи, и, в связи с этим, во-вторых, вскрыть тенденцию в развитии общественных отношений, отраженную в появлении и развитии отношений, фиксированных жилыми записями.

В буржуазной историографии вопрос о жилых записях затрагивался обыкновенно мимоходом, в общих исследованиях историков русского права¹, а также в ряде статей, касающихся преимущественно разных видов отношений зависимости XV—XVII вв.² Авторы этих

¹ См. К. Н. Неволлин. История Российских гражданских законов, т. III, СПб., 1951; В. И. Сергеевич. Русские юридические древности, т. I, изд. 2, СПб., 1902.

² См. Н. Дебольский. Гражданская дееспособность по русскому праву до конца XVII в., СПб., 1903; М. В. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, Киев, 1909; В. А. Уддичев. История займа, Киев, 1910; И. Д. Беляев. Законы и акты о крепостном состоянии в древней Руси. «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России», кн. 2, СПб., 1859; М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве XVI—XVII вв., СПб., 1898; В. О. Ключевский. История сословий в России. Соч., М., 1959, т. VI; Его же. Происхождение крепостного права в России. Там же, т. VII; Его же. Подушная подать и отмена холопства в России. Там же; Н. П. Павлов-Сильванский. Закладничество-патронат. «Записки Императорского русского археологического общества», т. IX, вып. 1 и 2, новая серия, СПб., 1897; А. С. Лаппо-Данилевский. Служилые кабалы позднейшего типа. «Сборник в честь В. О. Ключевского», М., 1909; Его же. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразования, СПб., 1890; Его же. Очерк русской дипломатики частных актов. Лекции, читанные слушателям Архивных курсов при Петроградском архивном институте в 1918 г., Пг., 1920.

работ подходят к актовому материалу, в том числе и к жилым записям, преимущественно с формально-юридических позиций. Они изучают не происхождение и развитие тех явлений жизни, которые отражены в жилой записи, а норму права, формуляр жилой записи.

Единственная работа, специально посвященная жилым записям, принадлежит Т. Н. Оберучевой-Анциферовой³. Автора также интересует главным образом исследование формально-юридической природы акта. Оберучева-Анциферова начинает с того, что отказывается дать общее определение существа этих записей. Определяющим принципом в подборе материала для автора служил формальный признак — название записи — «жилая»⁴. Однако многие жилые по существу записи скрываются под различными другими названиями, что в результате должна признать и Оберучева-Анциферова; во-вторых, под названием «жилая» встречаются акты, по существу никакого отношения к жилым записям не имеющие, например ссудная порядная запись во крестьяне и др. Оберучева-Анциферова произвела произвольное расчленение единых по своему существу отношений, фиксированных в жилых записях. Она пишет, что все записи с урочным сроком до 5 лет — это записи наемные «не крепостного типа», больше 5 лет — жилые «крепостного типа». При этом дается ссылка на ст. 116 гл. XX Уложения, где будто бы тяглым людям запрещается отдавать своих детей по житейским записям совсем, а разрешается отдавать лишь не более как на 5 лет, вероятно, мол, по записям наемным. В действительности же ст. 116 ясно говорит о житейских записях на 5 лет: «а записывати такие житейские записи только на пять лет, а больше пяти лет не записывати»⁵. Наконец, неоднократно встречаются жилые записи со сроком до 5 лет, значит, и здесь автор идет против фактов. Вопрос о том, какой из этих двух типов жилых записей основной — «крепостной» или «некрепостной», решается также в чисто юридической плоскости. «Некрепостные» записи — это наслоение на крепостные. «Гибкость ее формулы («крепостной» жилой.— Н. Г.) породила некрепостные записи»⁶. Итак, формула породила общественные отношения!

Факты заставляют Оберучеву-Анциферову признать общность происхождения «крепостного» и «некрепостного» вида и определить время их появления началом XVII в. Верна и мысль о том, что появившаяся жилая запись призвана оформлять отношения, уже существовавшие до нее. Автор правильно связывает появление жилых записей в первую очередь с запрещением добровольной службы, с законом 1597 г. и с превращением служилой кабалы в обязательную службу по смерти господина и признает, что развитие жилых записей идет в сторону «некрепостных обязательств». Но того, почему отношения, подобные добровольной службе (другими словами, отношения найма), не могли умереть и развивались в другой форме,—этого автор статьи не объясняет. В конце работы почти все сводится к сыску закладчиков, и жилая запись оказывается на этом фоне звеном борьбы «всего населения» с тенденцией прикрепления «всех сословий» государством⁷.

В советской исторической науке, к сожалению, нет ни одной работы, посвященной непосредственно жилым записям, и вопрос этот лишь затронут попутно в нескольких статьях, касающихся главным образом

³ См. Т. Н. Оберучева-Анциферова. Жилые записи, ЖМНП, 1917, № 2, стр. 241—271.

⁴ Там же, стр. 242.

⁵ «Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г.», М., 1907, гл. XX, ст. 116.

⁶ Т. Н. Оберучева-Анциферова. Указ. соч., стр. 255, 269.

⁷ Там же, стр. 271.

ученичества в ремесле Русского государства XVII в.⁸ Во всех этих работах отношения по жилой записи тракуются как отношения найма, а люди, дающие на себя такую запись, как наемные работники. Исключение составляет работа Г. Д. Капустиной, в которой на материалах начала XVIII в. показан двойственный характер жилой записи и вместе с тем подчеркнута тенденция к освобождению этого акта от крепостнических привесков⁹.

Основными источниками для данной работы являются, во-первых, жилые записи, которые представляют из себя частные акты, и, во-вторых, законодательные памятники XVII в.

Всего в работе использованы данные 90 жилых записей¹⁰. Все записи, как опубликованные, так и извлеченные нами из архивов¹¹, имеют точную датировку. Самая ранняя из них датирована 4 октября 1607 г., самая поздняя — 24 мая 1715 г.¹² Только 15 записей приходится на первую половину XVII в., остальные относятся ко второй половине столетия, причем главная их масса падает на время от 70-х годов и далее. География распространения жилых записей следующая: 33 записаны в Москве, 10 — в Пскове, 14 — в Уфе, имеется по несколько записей, писанных в Новгороде, Пензе, Нижнем Новгороде, Твери, Устюге Великом, Казани, Костроме, Козлове и Севске. Одна запись происходит из с. Демьянова, принадлежащего Симонову монастырю, еще одна запись предположительно может быть также отнесена к Москве (судя по тому, что она дана дьяку Ямского приказа). Все это позволяет нам утверждать, что отношения, фиксированные в жилых записях, имели место на всей территории Руси XVII в.¹³

Некоторую трудность при выявлении жилых записей представляет то, что в силу неустойчивости и произвольности терминологии частных актов жилыми записями часто называются акты, которые отнюдь не являются ими по существу¹⁴, и, наоборот, жилые записи часто выступают под другими названиями. Единственным критерием в данном случае является само содержание записи. В обычный формуляр жилой записи входят следующие пункты: 1) Имена и социальное положение как того,

⁸ См. В. И. Троицкий. Организация золотого и серебряного дела в Москве в XVII в. «Исторические записки», т. 12; К. Н. Сербина. К вопросу об ученичестве в ремесле русского города XVII века. «Исторические записки», т. 18; С. В. Бахрушин. Ремесленные ученики в XVII в. «Научные труды», т. II, М., 1954. Кроме указанных работ, отдельные упоминания о жилых записях есть и в других статьях: см., напр., Е. Н. Кушева. К истории холопства в конце XVI — начале XVII века («Исторические записки», т. 15); В. В. Степанов. Гулящие рабочие люди в Поволжье в XVII в. («Исторические записки», т. 86). См. также С. М. Каштанов. ПРП, вып. V, М., 1959, стр. 110—113. Отметим, что автор, без всяких на то оснований, именует зависимость по жилой записи холопской.

⁹ Г. Д. Капустина. Записные книги Московской крепостной конторы как исторический источник (первая четверть XVIII в.). «Проблемы источниковедения», VII, М., 1959, стр. 252—262.

¹⁰ В силу своего характера эти документы не сосредоточены в каком-либо одном фонде. По мере дальнейшего изучения архивных материалов XVII в. исследователи будут обнаруживать все новые и новые источники этого рода.

¹¹ Приношу благодарность В. И. Корецкому и В. А. Кучкину за указание ряда жилых записей, обнаруженных ими в архивах.

¹² Записи первых 15 лет XVIII в. привлечены для того, чтобы иметь возможность яснее проследить тенденцию их развития, наметившуюся в XVII в.

¹³ В этой связи представляется неверным утверждение С. М. Каштанова, будто жилые записи бытовали преимущественно на окраинах (Указ. соч., стр. 111).

¹⁴ «Жилецкими записями» или «жилыми ссудными записями» часто называются обыкновенные порядные записи «во крестьянство» (см., напр., М. Дьяконов. Акты, относящиеся к истории тяглового населения, вып. 1, 1895, № 5, 10, 31; «Сборник Харьковского историко-филологического общества», т. 13, стр. 206; РОБИЛ, ф. Пазухиных VI/99), или в бобыльство (М. Дьяконов. Указ. сб., вып. 1, № 23, 37; ЖМНП, 1917, № 2, стр. 252), или в холопство (М. Дьяконов. Указ. сб., вып. II, № 70; Его же. К вопросу о крестьянской порядной и служилой кабале. «Сборник в честь В. О. Ключевского», стр. 327; «Сборник старинных бумаг, хранящихся в Музее П. И. Щукина», ч. III, М., 1896, стр. 238).

кто дает на себя жилую запись, так и того, кто принимает к себе человека по жилой записи; 2) (3) Сумма денежной оплаты труда человека, дающего на себя жилую запись; 3) (2) Срок, на который жилая запись дается, то есть время, в течение которого человек, принимающий к себе работника по жилой записи, будет пользоваться его трудом; 4) Обязательство работать со стороны дающего запись и обозначение характера работы; 5) Обязательство со стороны дающего запись не наносить никаких убытков имуществу и личности хозяина и не уйти до срока; 6) Характер дополнительного вознаграждения труда человека, дающего на себя жилую запись (еда, питье, платье, обувь); 7) Обозначение неустойки в случае неисполнения условий и имени и характер ответственности поручителей, если таковые имеются. В удостоверительной части находим имена послухов и писца, составившего запись¹⁵, помету о записке акта в книге, обозначение время написания жилой записи и отметку о взимании пошлины (иногда с обозначением суммы). Безусловно, действительность дает массу отклонений от этого формуляра.

На основе конкретного анализа содержания жилых, интерпретация которых не представляет труда (один из способов привлечения рабочей силы), мы можем выяснить: 1) причины, вынуждающие людей давать на себя жилые записи, 2) причины, заставляющие держать людей по жилым записям, 3) причины большого разнообразия отношений по жилым записям, лежащие в самом характере процессов, протекавших в XVII в., 4) степень эксплуатации живущих по различным жилым записям людей, 5) характер этой эксплуатации и, наконец, 6) показать эволюцию характера и степени эксплуатации по жилым записям на протяжении века.

1. ЖИЛЫЕ ЗАПИСИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

Появление отношений, отраженных в жилых записях, несомненно, предшествовало появлению самих жилых. Однако документы, оформляющие эту сделку, безусловно составлялись уже с самого начала XVII в. Наиболее ранняя жилая запись, известная Т. Н. Оберучевой-Анциферовой, относится к 1624 г. Нам удалось обнаружить записи, относящиеся к 1607, 1608, 1609, 1615, 1621 и к 1622 гг. Ясно, что дальнейшее исследование вопроса даст возможность обнаружить еще более ранние документы этого рода.

Из имеющихся в нашем распоряжении для первой половины XVII в. 15 жилых записей в 11 обозначено социальное положение людей, дающих их на себя. Из жилой записи от 22 сентября 1628 г., написанной в Пскове, узнаем, что дал ее «Офонасий Андреев сын Нижегородец, вольный человек», а «лет себе сказал пятнадцать»¹⁶. Никакого другого выхода, кроме как продать свою рабочую силу, у этого человека не было, — все «свои животы», т. е. все имущество, заключается у него в двух полотняных рубашках. В Новгороде 4 ноября 1647 г. жилую запись дал на себя «Федор Степанов сын Вологжанин прозвище Рукавовых, волной человек»¹⁷. За 5 лет до этого, не имея средств к существованию, он сошел с Вологды «на Колмогоры и ходил к морю, кормился работою». Наконец, имеются две записи, относящиеся к 1648 г., из которых одна дана вольным человеком, другая же «псковским» вольным человеком (в Пскове) — портным мастером¹⁸. Последний, та-

¹⁵ Составителями жилых записей, как правило, являются площадные подьячие.

¹⁶ Д. Я. Самоковасов. Архивный материал, т. II, М., 1909, стр. 584/33.

¹⁷ «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России», кн. 2, стр. 102.

¹⁸ ЖМНП, 1917, № 2, стр. 245.

ким образом, имеет квалификацию, но лишен материальных возможностей заниматься своим промыслом¹⁹.

Т. Н. Оберучева-Анциферова на основании имеющегося у нее материала также утверждает, что значительное большинство, дающих на себя запись, называется вольными гулящими людьми²⁰. Вольному человеку, не имеющему своего хозяйства, не обеспеченному в достаточной степени орудиями труда, уже незачем брать ссуду, он вынужден продавать свою рабочую силу²¹. Остальные жилые записи даны: четыре — в Новгороде (4 и 17 октября 1607 г., 8 апреля 1608 г. и в 1609 г.) обедневшими посадскими людьми²², одна — в 1645 г. митрополичьим слобожанином, одна — в 1639 г. тверским посадским человеком и одна — в Устюге в 1640 г. сыном крестьянина (черного или владельческого, решить трудно). Последняя запись представляет собой часть розыска о некоем Антоне Мечине, жившем у посадского человека по жилой записи. Из имеющихся в данном розыске сведений можно установить, что и отец Антона Мечина жил, «волочась по дворам по добрым людям»²³. Отсутствие средств к существованию заставило Антона Мечина «бродить по людям и скитаться христовым именем» и, в конце концов, дать на себя жилую запись. Что же касается посадских людей, дающих на себя жилые записи, то, как мы это увидим и в дальнейшем, пребывание разорившихся посадских на стороне в качестве работных было таким же обычным явлением, как нахождение «добрых» посадских людей на стороне для торговли и промысловой деятельности.

Кому даются жилые записи в первой половине XVII в.? Из 14 записей, в которых указано социальное положение хозяев, принимающих к себе людей по жилой записи, 9 даны посадским людям, одна — владельческому крестьянину, две — духовным лицам, одна — сыну боярскому, одна — монастырю. В числе посадских людей два кадашевца (государевы хамовники) — оба они торговые люди. Особенно интересна одна из этих записей (1627 г.), данная неким Федором Григорьевым сыном Махотиным кадашевцу торговому человеку Фролу Меркурьеву сыну Реброву. Судя по документу, этот торговый человек располагает большими деньгами, его товар бывает на одной из крупнейших ярмарок — Свинской, и за один раз он предполагает выручить там от продажи 300 руб.²⁴ В записи 1628 г., которая дана вольным человеком «москвитину торговому человеку Грише Тимофееву», указывается, что у него есть своя лавка. Судя же по тому, что эта запись дана ему в Пскове, надо думать, что он из Москвы ездил туда со своим товаром²⁵. Запись от 4 ноября 1647 г. дана в Новгороде новгородскому солодовнику, который также назван в записи посадским «торговым человеком», имеет лавку и ездит с товаром в другие места²⁶. Таким образом, контингент хозяев, державших у себя людей по жилым записям, видимо, в большинстве своем, состоит из людей посадских, из жителей развивающегося города.

¹⁹ Вероятно, в таком же положении находится иконописец Иван Дранишников, который также дает на себя жилую запись (в 1615 г.). В этой записи не указано, вольный ли он человек. См. «Временник императорского общества истории и древностей Российских», кн. 25, «Смесь», стр. 2—4.

²⁰ Т. Н. Оберучева-Анциферова. Указ. соч., стр. 247.

²¹ См. Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, М., 1946, стр. 650—651.

²² ЦГАДА, ф. Новгородской приказной избы, кабальная книга № 19.

²³ Н. П. Павлов-Сильванский. Акты о посадских людях-закладчиках, СПб., 1909, стр. 263, № 36.

²⁴ См. ГИМ, Отдел письменных источников (далее: ОПИ), Собр. Забелина, ф. Донского монастыря, арх. 955, № 45926/61 (по описи Троицкого).

²⁵ Д. Я. Самоквасов. Указ. соч., стр. 584/33.

²⁶ «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России», кн. 2, стр. 102.

В тесной связи с этим находится вопрос о характере использования рабочей силы людей, дающих на себя такую запись, в первой половине XVII в. Во всех случаях, когда запись дается посадскому торговому человеку, картина бывает почти одинаковая: так, в записи 1627 г. Федор Григорьев сын Махотин используется своим хозяином, кадашевцем торговым человеком Фролом Меркурьевым сыном Ребровым, как приказчик. По записи 1628 г., данной вольным нижегородцем московскому торговому человеку Грише Тимофееву, первый обязуется «торговать и промышлять у него в лавке». В записи, данной солодовнику торговому человеку в Новгороде в 1647 г., аналогичное условие сформулировано несколько иначе. Идущий к нему работать вологжанин вольный человек обязуется и всякое дворовое дело делать, и в лавке сидеть, и в отъезде с хозяйским «животом» бывать. Устюжанин посадский человек берет работника просто «работать всякую черную работу» (жилая запись 29 февраля 1640 г.)²⁷. Три имеющиеся у нас записи первой половины XVII в. дают на себя ремесленники. Это запись 1615 г. иконописца Ивана Дранишника архимандриту Хутынского монастыря²⁸, запись 1622 г. портного Якова Звездочетова властям Троицкого-Гledenского монастыря²⁹, запись 1648 г. данная псковским вольным портным сыну боярскому Сергею Димитриевичу сыну Угрюмову³⁰. В первой из этих записей прямо говорится, что иконописец Иван Дранишников, кроме того, что обязуется быть «во всяких службах черных», должен «иконное письмо всякое писать без послушания... и учеников учить». Яков Звездочетов обязуется «платье шить того Троицкого монастыря казенное».

Таким образом, насколько об этом можно судить на основании того небольшого материала, который имеется у нас для первой половины XVII в., в этот период привлекавшаяся по жилым записям рабочая сила использовалась, в основном, в области торговли и промыслов.

Теперь посмотрим на каких условиях привлекалась рабочая сила по жилой записи в первой половине XVII в. Прежде всего следует отметить, что все жилые записи — это обязательства, ограниченные сроком. В записях первой половины столетия этот срок довольно продолжителен. Так, жилая запись 1628 г. вольного человека нижегородца Офонасия Андреева сына дана им московскому торговому человеку Грише Тимофееву сроком на 10 лет. На 10 же лет дана жилая запись посадскому человеку Василию Котельникову в Устюге сыном крестьянина в 1640 г. Тот же срок в 10 лет находим в жилой записи 1648 г., данной вольным псковским портным боярскому сыну, и в записи портного Якова Звездочетова Троицкому-Гledenскому монастырю³¹. Во всех этих случаях люди, дающие на себя жилую запись, получают совершенно точно обозначенное в этом документе вознаграждение за свой труд. Так, в упомянутой записи 1628 г. читаем: «А как я Офонасей у нево Григория отживу те урочные десять лет, а пойду от нево Григория, взяти мне Офонасию наделу денег пять рублей Московских». В записи 1640 г. дело обстоит несколько иначе. Здесь продающий свою рабочую силу крестьянский сын Антон Мечин за 10 лет работы «взял... у него (хозяина.— Н. Г.) на те года найму десять рублей денег» — день-

²⁷ ГИМ, ОПИ, Собр. Забелина, ф. Донского монастыря, арх. 935, № 45926/61 (по описи Троицкого); Д. Я. Самоквасов. Указ. соч., стр. 584/33; «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России», кн. 2, стр. 102; Н. П. Павлов-Сильванский. Акты о посадских людях-закладчиках, стр. 236, № 36.

²⁸ «Временник московского общества истории и древностей Российских», кн. 25, «Смесь», стр. 2—4.

²⁹ ЦГАДА, ф. Троицкого-Гledenского монастыря, № 1187, оп. 1, ч. 1, № 138.

³⁰ ЖМНП, 1917, № 2, стр. 245.

³¹ Д. Я. Самоквасов. Указ. соч., стр. 584/33; Н. П. Павлов-Сильванский. Акты о посадских людях-закладчиках, стр. 263, № 36; ЖМНП, 1917, № 2, стр. 245.

ги эти он берет вперед, а по окончании срока хозяин обязуется заплатить ему еще 1 рубль и дать «платье кафтан, да рукавицы, да чулки и коты дать новые». Псковский портной за 10 лет работы получает 14 руб. денег, кроме того, хозяин берется женить его и оплатить «свадебный поднѣм». Яков Звездочетов за 10 лет работы портным в Троицком-Гледенском монастыре получает 10 руб., которые зачтутся ему в качестве вклада, с выдачей на руки соответствующей вкладной грамоты. Запись 8 апреля 1608 г. заключена в Новгороде между посадскими людьми на 5 лет, после которых работник должен получить 7 руб., кафтан, рубашку, шубу и портки. Кроме названных, мы имеем для первой половины XVII в. ряд записей, срок в которых определен не точно, а относительно, и, надо думать, как правило, бывает более длительным,— это жилые записи, данные до смерти хозяина. Таких записей в нашем распоряжении для первой половины XVII в. четыре: запись 1615 г. иконописца Ивана Дранишникова архимандриту Хутынского монастыря, запись от 4 ноября 1647 г. вольного человека вологжанина к новгородскому посадскому солодовнику и две связанные между собой жилые записи 1621 г. и 1627 г.³² Однако в большинстве случаев это тяжелое условие — работать до смерти хозяина — компенсировалось особой оплатой труда этих людей. Особенно интересны две последние записи, относящиеся к 1621 и 1627 гг. Обе эти записи даны одним и тем же человеком, Федором Григорьевым сыном Махотиным, одному же хозяину — кашашевцу торговому человеку Фролу Меркурьеву сыну Реброву. Как явствует из записи 1627 г., Федор Григорьев сын Махотин работает у хозяина в качестве приказчика. Первая жилая запись дана им в 1621 г. на срок до смерти хозяина и хозяйки, с обязательством женить и выдать замуж всех хозяйских детей и после этого получить остатки хозяйского имущества в свое полное распоряжение. Эта запись ставит его в слишком тяжелое положение, ибо, во-первых, колоссально долг срок работы, и во-вторых, неопределена плата за труд — после выполнения им всех этих обязательств у него может остаться на руках слишком незначительное вознаграждение за все его труды. Поэтому спустя 6 лет, в 1627 г., перед отъездом Федора Григорьева с хозяйским товаром на сумму в 300 руб. на Свинскую ярмарку, хозяин, явно опасаясь, что работник мало заинтересован в своем труде и может счесть за лучшее скрыться, имея в руках значительный капитал, договаривается с Федором Григорьевым сыном Махотиным о написании новой жилой записи, которая содержит уже гораздо более выгодные для работника условия. Она дается им до смерти одного хозяина с обязательством «радеть во всем домовитом житье вместе за один с хозяином» и получить тотчас после его смерти одну третью часть «из его Фролова живота». Таким образом он превращался уже в компаньона своего хозяина. В жилой записи 1647 г., которая дана вольным человеком вологжанином Федором Степановым сыном Рукавовым посадскому новгородскому торговому человеку солодовнику Игнатию Григорьеву на срок до смерти последнего, можно предположить аналогичное условие, ибо в записи вознаграждение специально не указано, но зато несколько раз подчеркнуто, что Федор Степанов дал на себя запись «по своему полюбовному договору», и «по своему договору». (Работает он также и в лавке и «вообще» с товаром). Иконописец Иван Дранишников, по записи 1615 г. идущий к архимандриту Хутынского монастыря также на срок до его смерти, получает за свой труд повременную оплату — жалование и месячину (размеры не указаны).

Итак, даже в тех случаях, когда срок, на который привлекается рабочая сила по жилой записи, так же длинен, как и срок работы ка-

³² ГИМ, ОПИ, Собр. Забелина, ф. Донского монастыря, арх. 935, № 45926/60, 45926/61 (по описи Троицкого).

бального холопа, работник получает не жалкую сумму в 3 руб. (как это окончательно установлено для кабальных холопов Уложением 1649 г.), а сравнительно значительное вознаграждение.

Оплата труда человека, живущего по жилой записи, не ограничивалась условленной суммой найма. Хозяин еще поит и кормит работника и, как правило, сдевает и обувает его в продолжение его работы. Последнее является, несомненно, важным условием, если учесть дороговизну в то время всех промышленных товаров по сравнению с товарами сельскохозяйственными.

В связи с вопросом о характере оплаты труда человека, работающего по жилой записи, необходимо специально остановиться на так называемых жилых «заемных» записях. Как правило, буржуазная историография особо выделяет все жилые записи, в которых плата за труд дана вперед, и подходит к ним лишь с той точки зрения, что это заем. Однако уже Н. П. Павлов-Сильванский отмечает, что как заем, погашаемый работой, рассматривается в XVII в. «наемная плата, взятая за несколько лет вперед». На это же указывает В. И. Сергеевич, говоря, что деньги, полученные сразу же при заключении сделки, — не заем, ибо они не возвращаются, а погашаются работой³³. Несомненно, что в тех случаях, когда человек получает деньги сразу же, как только он дает на себя жилую запись, — эти деньги представляют собой всегда наемную плату за труд, лишь взятую вперед. Как известно, «характер самого товарообмена не изменяется от того, функционируют ли деньги в качестве покупательного средства или в качестве средства платежа»³⁴. По-видимому, именно так понимали сущность отношений по так называемой заемной жилой записи и в XVII в. В розыске о крестьянском сыне Антоне Мечине, живущем у посадского человека по жилой записи 1640 г., последняя представляет собой «заемную» запись только по форме, по существу же является жилой записью: «Се аз, Онтон Андреев сын Мечин... дал еси на себя сию запись... Василью Омельянову сыну Котельникову в том, что я, Онтон, взял у него, Василия, десять рублей денег Московских ходячих, а за деньги мне, Онтону, у него Василия жити во дворе десять лет...» И в то же время «Онтошка Мечин в распросе сказал... а живет де... из найму по летно по записи...» Это же повторено им при вторичном распросе³⁵. Так обстоит дело с «заемными» жилыми записями.

Положение человека, давшего на себя жилую запись, если учитывать очень небольшой размер денежного вознаграждения и тогдашний уровень цен³⁶, было крайне тяжелым. Он отдавал хозяину огромную долю своего труда. Рабочий день его совершенно не регламентировался. Кроме этого, существовал еще целый ряд моментов, превращавших договор по жилой записи в полукабальное обязательство. Давший на себя жилую запись человек не мог уйти от хозяина до истечения срока, указанного в записи. Это обеспечивалось определенными условиями. В тех случаях, когда наемная плата была выдана работнику вперед, как по жилой записи 1640 г., данной Антоном Мечиным, в записи оговаривалось: «А буде я Онтон не почну тех срочных лет у него, Василия, во дворе доживати, или пократчи ево Васильева живота, збежу, и ему, Василию, за мной по сей записи волно гонитися и те деньги взять и свой сносной живот доделати на мне ж Онтоне»³⁷. Таким обра-

³³ Н. П. Павлов-Сильванский. Закладничество-патронат, стр. 217; В. И. Сергеевич. Указ. соч., стр. 188.

³⁴ К. Маркс. Капитал, т. 1, М., 1955, стр. 180—181.

³⁵ Н. П. Павлов-Сильванский. Акты о посадских людях-закладчиках, стр. 263—264, № 36.

³⁶ См. В. О. Ключевский. Собр. соч., т. VII, М., 1959, стр. 230.

³⁷ Н. П. Павлов-Сильванский. Акты о посадских людях-закладчиках, стр. 264, № 36.

зом, человек, нанявшийся работать по жилой записи и не доживший хотя бы несколько дней до обозначенного срока, терял оплату за весь свой уже отданный труд. В случае, если оплата труда должна была последовать по окончании договоренного срока, и человек, давший на себя жилую запись, бежал, не дожив урочных лет, он тем самым не только лишался причитавшихся ему денег, но, как мы это видим из записи 1628 г., хозяину предоставлялось право взыскать на нем неустойку или «заставы денег тридцать рублей Московских»³⁸. Такая крупная сумма (если учесть, что за 10 лет работы этот человек должен был получить всего 5 рублей!) гарантировала хозяина от потери нужной ему рабочей силы до истечения десятилетнего срока. Две имеющиеся у нас записи первой половины XVII столетия содержат еще более тяжелые для работника условия на этот счет. Так, по записи 1647 г. хозяин взыскивает с бежавшего работника покраденные «животы» и возвращает его к себе доживать срок. В записи же 1648 г., по которой работник получает вперед плату за десятилетний труд в размере 14 руб. и оплату «свадебного поднёма», оговорено, что в случае побега хозяин забирает назад и 14 руб., и стоимость «свадебного поднёма», и, естественно, сносные животы, а плюс к этому работник с женой возвращаются к хозяину доживать урочные 10 лет³⁹. Даже в том случае, когда формально в жилой записи оговаривается легальная, так сказать, возможность ухода, неустойка, которую при этом должен заплатить работник, так велика, что реально осуществить этот уход невозможно. Так, в жилой записи 1615 г. иконописца Ивана Дранишникова говорится: «Или я Иван не похочу у него архимандрита жити и служить и пойду прочь, и мне ему архимандриту заплатить по сей записи за проести и за проторы и за убытки сто рублей Московских». Естественно, что таких денег иконописцу взять неоткуда (тем более, что в записи ему строго запрещается работать на сторону). Как выясняется из приписки, сделанной к этой жилой записи, через 13 лет, когда Иван Дранишников «не похотел» жить у архимандрита, он ушел, не заплатив никакой неустойки и в результате был возвращен к архимандриту доживать срок. Таким образом, возврат платы за труд, высокий «заряд» (неустойка) и право хозяина в некоторых случаях возвращать работника доживать срок — все это обеспечивало хозяину рабочую силу в течение договоренного срока.

Кроме того, хозяева имели оговоренное в записях право в случае «ослушания» всячески наказывать работников, так сказать, домашними средствами. В жилых записях прямо указывается, что хозяин может «смирять работника» всяким смирением или «смирять и от глупости унимать без боязни» и т. д. В одной записи (1621 г.) оговорено право хозяина бить челом государю в случае, если работник начнет «чинить не гораздо»⁴⁰.

Все эти факты являются несомненным показателем патриархальности тех крепостнических привесков, которые тяготели над продавцом рабочей силы, оформляющим свой наем жилой записью в условиях феодального общества XVII в.⁴¹

Однако срочный (в большинстве случаев) характер данного таким работником обязательства, гораздо более высокая оплата его труда по сравнению с оплатой труда кабального холопа и иллюзия, что весь его

³⁸ Д. Я. Самоквасов. Указ. соч., стр. 584/23.

³⁹ «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России», кн. 2, стр. 102; ЖМНП, 1917, № 2, стр. 245.

⁴⁰ ГИМ, ОПИ, Собр. Забелина, ф. Донского монастыря, арх. 935, № 45926/60 (по описи Троицкого).

⁴¹ Безусловно, результатом влияния именно этих условий является и неопределенный срок, на который дается в ряде случаев жилая запись в первой половине XVII в., — до смерти хозяина.

труд является оплаченным, приводят к значительной заинтересованности в своем труде со стороны такого работника.

Насколько отразилось и отразилось ли вообще существование отношений, закрепленных жилыми записями, в законодательстве первой половины XVII в.? Ответ на этот вопрос представляет для нас очень большой интерес. Поскольку исследователи не могут рассчитывать получить в распоряжение все данные в свое время жилые записи, судить о распространенности отношений такого рода можно в первую очередь по месту и вниманию, уделяемому им законодательством. До недавних пор существовало мнение, что первым законодательным памятником, в котором говорится о жилых записях, является Соборное Уложение 1649 г. Однако изучение статей Уложения, относящихся к жилым записям, убеждает в том, что о них говорится как о явлении отнюдь не новом и широко распространенном. Несомненно, что законодательство должно было затрагивать этот вопрос и до 1649 г. И действительно, А. Яковлевым найден и опубликован интересный указ, не вошедший в указные книги приказов и сообщаемый памятью от 30 мая 1641 г., которая была послана из приказа Холопьяго суда в Устюжскую четверть в ответ на запрос последней и сохранилась в составе приказных дел четверти⁴². Дьяк Устюжской четверти Пантелей Чириков просит сообщить ему, наряду со сведениями о служилых кабалах, и о том, что гласит государев указ о выдаче жилых записей («по государеву указу в городех воеводам и приказным людям, разных чинов, на вольных людей служилые кабалы и гостиные и суконные сотен торговым людям жилые записи давать велено ль, и каких чинов каким людям служилые кабалы и житейские записи велено давать»). Иными словами, дьяк Пантелей Чириков прежде всего хочет твердо знать, кто имеет право держать у себя работников по жилой записи. Из приказа Холопьяго суда ему на это ответили следующее: «И по государеву (т) указу ис приказу холопьево суда посланы государевы грамоты в городы к воеводам и к приказным людям, которые грамоте умеют и велено им дворянам и детям боярским давать на вольных людей служилые кабалы, а на крестьян ссудные записи, а житейским людям житейские записи»⁴³. Поскольку данный указ, как отмечает А. Яковлев, был в основном направлен на то, чтобы «монополизировать закабаление по служилой кабале только за служилыми людьми»⁴⁴ — главной опорой феодального государства, далее уже более подробно разъяснено: «А тяглым людям и попам, и стрельцам, и пушкарям, и монастырским служкам и боярским людям на людей служилых кабал давать не велено ж, а велено им давать на людей житейские записи на урочные годы зарядом»⁴⁵. Все перечисленные здесь «чины» являются в основном жителями растущего города. На первое место поставлены тяглые люди, и, как мы видели, именно они больше всего нуждались в такой рабочей силе, которая привлекалась посредством жилой записи⁴⁶.

Но дьяка Пантелея Чирикова интересует не только то, кому он может выдавать жилые записи, но и «почему с тех кабал и з житейских записей по государеву указу пошлин велено иметь»⁴⁷. Выясняется, что существовали определенные установления на счет того, по какому прин-

⁴² А. Яковлев. Холопство и холопы в Московском государстве XVII века, т. I, М.—Л., 1943, стр. 315, 53. Яковлев предполагает, что и указ относится к 1641 г.

⁴³ Там же, стр. 316.

⁴⁴ Там же, стр. 537.

⁴⁵ Там же, стр. 316.

⁴⁶ Следует отметить, что указ отнюдь не запрещает держать работников по жилым записям другим, не перечисленным здесь разрядам населения, и в действительности были случаи, когда по жилым записям жили работники и у служилых людей и у высших духовных лиц.

⁴⁷ А. Яковлев. Указ. соч., стр. 316.

ципу должны облагаться пошлиной жилые записи⁴⁸. В приказной памяти 1641 г. говорится, что по государеву указу «пошлин им велено иметь с рубля по алтыну». Причем имеется в виду не сумма найма, которая обозначалась не во всех жилых записях первой половины XVII в., а сумма «заряда», которую предписывается указывать в каждой записи и в размере не менее 10 руб.⁴⁹ Здесь, несомненно, большую роль играли фискальные цели государства. Неустойка во всех случаях была выше суммы найма. Однако на практике неустойка в жилых записях указывалась далеко не всегда, и поэтому при взимании пошлин могли возникать всякие недоразумения. Так, например, в тех случаях, когда в жилой записи неустойки не было и отсутствовало вдобавок обозначение денежного вознаграждения за труд, пошлина с записи не взималась вообще⁵⁰ (по крайней мере запись о ней не упоминает). Псковский площадной подьячий, писавший запись с суммой найма в 14 руб., памятуя, что пошлину следует брать с «заряда», которого в записи нет, находится в явном недоумении и в результате берет пошлину в размере 3 алт.⁵¹ (В дальнейшем мы увидим, как жизнь преодолела это недоразумение во второй половине XVII в.)⁵².

Память 1641 г. приводит еще ряд установлений о различных формальностях, сопровождающих выдачу жилой записи (обозначение внешних примет работника, запись актов и пошлинных сборов с них в специальные книги, которые надлежит ежегодно вместе с пошлинными деньгами представлять в Москву, в «Приказ холопья суда»⁵³).

Несомненно, учет жилых записей, о котором говорится наряду с запиской служилых кабал и крестьянских порядных, был также распространенным явлением. Об этом свидетельствует и сам факт запроса о правилах на этот счет со стороны дьяка Устюжской четверти. Таким образом, государство, законом 1597 г. санкционировавшее пресечение развития элементов найма в хозяйстве страны, теперь открывает отдушину для их развития, вынужденное считаться с интересами растущего города, с интересами торгово-промышленного населения.

Еще ярче это отразилось в Уложении 1649 г., которое посвящает отношениям по жилой записи целый ряд статей⁵⁴. Прежде всего следует оговорить, что, как нам представляется, Уложение 1649 г. и в тех случаях, когда оно упоминает о «жилых записях», и в тех случаях, когда оно говорит о «записях» просто, имеет в виду одно и то же явление. Это подтверждается как конкретным изучением содержания статей Уложения, так и наблюдением над рассмотренной выше приказной памятью 1641 г., которая, говоря о жилых записях, в одних случаях называет их просто «записями», а в других — «жилыми записями», «житейскими записями». Указ, изложенный приказной памятью 1641 г., был, несомненно, использован при составлении Уложения, где в одном случае имеется даже прямая ссылка на него.

Прежде всего Уложение подчеркивает (гл. XX, ст. 40), что жилые записи — это обязательства срочные, рабочая сила продается здесь лишь на определенный срок: «а жити им у них по их живот, или урочные лета». После смерти хозяина жена и дети последнего не имеют

⁴⁸ Это опровергает мнение Т. Н. Оберучевой-Анциферовой, считавшей, что для жилых записей не существовало специального тарифа пошлины (см. Т. Н. Оберучева-Анциферова. Указ. соч., стр. 253, 269).

⁴⁹ А. Яковлев. Указ. соч., стр. 316.

⁵⁰ ЖМНП, 1917, № 2, стр. 245.

⁵¹ Там же.

⁵² Следует добавить, что, к сожалению, в жилых записях первой половины XVII столетия величина пошлины чаще всего вообще не обозначается, а пишется просто «пошлина взята».

⁵³ А. Яковлев. Указ. соч., стр. 316.

⁵⁴ «Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года», гл. XI, ст. 32; гл. XX, ст. 43—46, 105—107, 116.

никакого права на рабочую силу работника, рядившегося жить лишь по смерти хозяина. Уложение подтверждает далее, что давать на себя жилые записи могут не только вольные люди. Это явствует из того, что в статье 44 гл. XX, которая носит наиболее общий характер, никаких ограничений на этот счет нет: «А которые люди учнут у кого жити во дворе по записям...» Далее эта же статья подтверждает установление указа, переданного приказной памятью 1641 г., об обязательном написании в этой записи «заряда», который взимается в случае, если работник не доживет договоренного срока. Если имеются поручики, которых Уложение допускает, и они отказываются платить «заряд» и снос, доказывая, что такого не было, тогда человек, давший на себя жилую запись и сбежавший от хозяина, обязан доживать урочные годы (ст. 45, гл. XX)⁵⁵. Наконец, в статье 45 гл. XX Уложения, как и в указе, переданном приказной памятью 1641 г., говорится, что жилые записи должны быть записаны в книгах Холопьего приказа, иначе они не будут считаться действительными и истцам по таким записям будет отказано. Общие установления о жилых записях этим ограничиваются. Они не дают почти ничего нового по сравнению с тем, что нам уже известно.

Все остальные сведения касаются уже более или менее частных вопросов — они-то и представляют наибольший интерес. Так, из статьи 45 гл. XX узнаем, что отцы и матери в первой половине XVII в. отдавали сыновей и дочерей по жилым записям в работу «на урочные лета», не будучи, как видно, в состоянии их прокормить и надеясь заработать таким образом какую-то сумму на поддержку своего разоряющегося хозяйства. Статья 43 гл. XX касается уже тех случаев, когда частое в то время стихийное бедствие — голод ставил мелких производителей города и деревни в еще более тяжелые условия, которые заставляли уже их самих, а также членов их семей давать на себя жилые записи, продавать свою рабочую силу, иногда даже только за прокорм или за определенную взятую вперед оплату. Причем Уложение приводит годовую оценку труда различных работников. Мужской труд в течение года оценивается в 5 руб., женский и «срослых девушек» — в 2,5 руб., детский — детей старше 10 лет — в 2 руб. (Таким образом, жестокой эксплуатации подвергались дети уже с десятилетнего возраста). Однако, как мы могли убедиться из приведенных жилых записей первой половины XVII в., ни в одной из них, даже близкой к середине столетия, такой сравнительно высокой оплаты труда нет. Во второй половине XVII в., как мы увидим в дальнейшем, существовали расценки, часто близкие к указанным, однако, как правило, никогда не превышающие их. Таким образом, государство в действительности установило только максимум оплаты труда наемного работника по жилой записи, минимум же оговорен не был, и, следовательно, оставались широкие возможности для ограбления работника со стороны хозяина. Беспokoясь о закреплении монополии эксплуатации по служилой кабале за служилым сословием, Уложение, повторяя указ 1641 г., подчеркивает, что у попов, дьяконов и у всех иных причетников духовных, у служек монастырских и у боярских людей вольные люди могут жить лишь по жилым записям⁵⁶, а не по служилым кабалам (ст. 104 и 105 гл. XX). В этом вопросе Уложение прямо ссылается на то, что указано «в прошлом в 143 году». Следует предположить, таким образом, что еще в 1634—1635 гг. был издан указ, аналогичный изложенному приказной памятью 1641 г.

⁵⁵ Как мы имели возможность убедиться, в действительности бывали случаи, когда не дожившего срока работника заставляли доживать даже после того, как он вернул все заплаченные ему за работу деньги (см. ЖМНП, 1917, № 2, стр. 245).

⁵⁶ Тяглые люди здесь не названы, ибо они, как видно, и не чинили особых злоупотреблений на этот счет: для торгово-промышленного населения работник по служилой кабале был не очень выгоден.

Хотя, выражая интересы развивавшегося торгово-промышленного населения страны, государственная власть вынуждена была довольно широко санкционировать в Уложении развитие элементов найма в форме жилой записи, здесь же имеется ряд свидетельств того, насколько нерешительно, нехотя и осторожно делались эти уступки. Законодательство допускало развитие элементов найма в одной, наиболее регламентированной форме, и в то же время пресекало это развитие в другой форме: срок добровольной службы без оформления ее документом был сокращен с 6 месяцев до 3, после чего на человека бралась служилая кабала, независимо от его желания (ст. 16, гл. XX). Мало этого, там, где предоставлялась возможность, Уложение стремилось усилить крепостнические привески, тяготевшие над жилой записью. Так, в тех случаях, когда выкупленный в долгах человек давал на себя выкупившему его жилую запись (ст. 46, гл. XX) и при этом оказывалось, что в записи не отмечено, в течение скольких лет он должен отработать взятые деньги, хозяин имел право оставить его у себя бессрочно. Другими словами, Уложение шло навстречу закрепостительным тенденциям («Право никогда не может быть выше, чем экономический строй...»⁵⁷), которые могли исходить со стороны определенных хозяев, например служилых людей.

Следует также отметить еще два момента, которые интересуют Уложение. Во-первых, поскольку довольно частым явлением становится отдача тяглыми людьми в работу на урочные годы своих детей и родственников, Уложение, из опасения потерять таким образом часть будущих тяглецов, предписывает давать жилые записи на таких людей нетяглым людям⁵⁸ не больше как на 5 лет. Во-вторых, Уложение, с одной стороны, разрешает владельческим крестьянам и бобылям иметь заработки на стороне, временно «наймываться в работу», так как не может не учитывать потребности в наемном труде (ст. 32, гл. XI), но, с другой стороны, заботясь прежде всего об удержании власти помещиков над крепостными крестьянами, запрещает «крепить» таких крестьян и бобылей тем людям, к кому они нанимаются по жилой записи на урочные лета. Правительство стремилось прежде всего обеспечить помещику возможность в любое время вернуть принадлежащие ему рабочие руки.

Таким образом, антифеодалная борьба городов в середине XVII в. и последующее участие посадских людей в составлении Уложения отразились и на жилых записях. Правительство вынуждено было пойти навстречу развивавшимся торгово-промышленным кругам населения и шире закрепить в законодательстве право на существование в хозяйстве страны наемного труда в форме жилых записей. Однако, как мы имели возможность убедиться, феодальное государство шло на это с большими оговорками и отступлениями.

Итак, работник «по живот» господина, живущий ради куска хлеба и только, не удовлетворял в первую очередь развивающиеся городские торгово-промышленные круги XVII в. Им нужен был работник, более заинтересованный в своем труде. Жилые записи первой половины XVII в.— это документы, которые фиксируют отношения найма, элементы которого развиваются в недрах феодального общества и отягощены в силу этого целым рядом крепостнических наслоений. Феодальное законодательство первой половины XVII в. уделяет уже этим отношениям довольно много внимания. Жилые записи дают на себя как вольные, лишенные средств производства люди, так и тяглые люди, не имеющие уже достаточных средств к существованию и вынужденные продавать свою рабочую силу. Работников по жилым записям держат

⁵⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв. в 2-х томах, т. II, М., 1952, стр. 15.

⁵⁸ Чаще всего это были, вероятно, жители белых свобод.

в основном представители торгово-промышленных кругов города, используя их рабочую силу, главным образом, в области торговли и в различных промыслах. Люди, продающие свою рабочую силу по жилой записи, подвергаются жестокой эксплуатации. Оплата их труда в первой половине XVII в. очень низка.

2. ЖИЛЫЕ ЗАПИСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII И НАЧАЛА XVIII в.

Для второй половины XVII в. и первых полутора десятилетий XVIII в. в нашем распоряжении имеется 75 жилых записей. Вся масса их приходится на время от 70-х годов столетия и позже⁵⁹. Несмотря на то, что характер имеющегося у нас материала не дает оснований для статистических подсчетов, тем не менее следует отметить, что привлечение рабочей силы по жилым записям в этот период несомненно стало более широкой, чем ранее, практикой. В 70—80-х годах XVII в. особенно ярко проявились последствия роста разделения труда, развития мелкотоварного производства, процесса формирования всероссийского рынка. Естественным является увеличение в это время спроса на наемную рабочую силу в городе и на транспорте, а также увеличение предложения рабочих рук со стороны лишившихся средств производства вольных людей, разорившихся тяглецов и крестьян-обручников.

Что же представляют собой жилые записи этого периода? Из 67 случаев, в которых можно определить социальное положение людей, давших на себя жилые записи, 15 жилых записей дали на себя «вольные гулящие люди». Так, жилую запись, написанную 21 декабря 1686 г. в Нижнем Новгороде, дает на себя некий Федор Гаврилов сын Щепоткин, который говорит о себе так: «А я Федор ни боярской, ни княжеской, ни монастырской, ни помещиков, ни вотчинников крестьянин, и в холопстве нигде ни за кем не жывал, и служилых кабал никому на себя не даывал, изстари государев вольный человек». До этого момента он жил, видимо, случайной работой — в начале записи он называет себя нижегородским работным человеком⁶⁰. Запись от 27 февраля 1687 г. дает на себя также вольный нижегородский работный человек Михайло Андреев сын⁶¹. «Безтяглым гулящим человеком» называется Гаврило Игнатьев сын Лукин, который дает на себя жилую запись тоже в Нижнем Новгороде 16 марта 1686 г. Этот человек, вероятно, только-только потерял средства к существованию, собственное хозяйство. Он идет в работники, чтобы иметь деньги «на свою нужду», а кроме того, ему необходимо расплатиться с долгами отца, который делал их, видимо, имея еще какую-то надежду вывести из бедственного положения свое хозяйство⁶². К сожалению, остальные жилые записи, данные вольными людьми, не содержат никаких дополнительных сведений об их положении⁶³.

Таким образом, во второй половине XVII в., как и в первой половине столетия, вольные люди продают свою рабочую силу по жилой записи. Однако наряду с этим во второй половине века все более частым явлением становится продажа своей рабочей силы разорившимися тяглыми людьми, представителями низов посадского населения. У нас имеется 12 жилых записей, данных тяглыми людьми, жителями городов.

⁵⁹ За исключением двух записей 1651 и 1665 гг.

⁶⁰ «Акты, относящиеся до юридического быта древней России» (далее: АЮБ), т. II, СПб., 1864, № 127/XV, стр. 34.

⁶¹ Там же, № 162, стр. 514.

⁶² «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России», 1859, кн. 2, стр. 104.

⁶³ Среди этих вольных гулящих людей встречаются и иноземцы, напр., поляки. Это явление отмечает, между прочим, указ 1681 г. (см. ПСЗ, т. 2, № 869).

В их числе и тяглецы из московских Огородной, Вязниковской, Кузнецкой, Казенной и Бронной слобод, посадские люди из гг. Скопина, Ростова, Устюга Великого, Нового Торжка. Но особо знаменательным является тот факт, что жилые записи все чаще дают на себя люди, обладающие различными специальными квалификациями, но уже не имеющие материальных возможностей самостоятельно заниматься своим ремеслом. В их числе и кузнецы, и мастер серебряного дела, и мастер колокольного дела⁶⁴. О разорении части посадского населения свидетельствуют учащающиеся случаи отдачи в наем своих детей разоряющимися тяглецами, которые уже иначе не в состоянии расплатиться со своими долгами, платить тягло⁶⁵.

Наконец, жилые записи второй половины XVII в. свидетельствуют еще об одном важном явлении. В числе продающих свою рабочую силу все чаще встречаются отпущенные, видимо, на оброки владельческие крестьяне и бобыли. Несмотря на то, что Уложение 1649 г. запрещает брать на таких людей какие-либо кабальные обязательства и даже срочные жилые записи (ст. 32, гл. XI), тем не менее зависимые крестьяне часто идут в наем именно по жилым записям, — у нас в руках 19 документов, свидетельствующих об этом. Наиболее ранние из них относятся к 1651 и 1665 гг., остальные к 1680 и последующим годам. Установления Уложения на этот счет остались, таким образом, лишь на бумаге, ибо материальные интересы людей, державших у себя наемную рабочую силу, требовали гарантии в виде определенного документа, каким была жилая запись.

В нашем распоряжении имеются, кроме того, 11 жилых записей, которые записаны в Уфимской приказной избе. На окраинах (например, в Башкирии) в числе дающих на себя жилые записи мы видим крестьян нерусских национальностей (мари, татар и др.)⁶⁶.

Итак, с одной стороны, во второй половине XVII в. продолжают заниматься работать по жилым записям вольные гулящие люди, как давно лишенные средств производства и живущие временной работой, так и только что потерявшие материальные условия, необходимые для их существования. С другой стороны, в наем идут разорившиеся посадские люди, а также зависимые крестьяне, ищущие посторонних занятий.

Кто же держит работников по жилым записям во второй половине века, в какой степени изменился и изменился ли вообще характер использования рабочей силы этих людей?

В 24 случаях из 62, в которых нам известно социальное положение хозяев-нанимателей, работников по жилой записи нанимают посадские люди. Картина здесь такая же, как и в первой половине столетия. Эти посадские люди обыкновенно имеют какой-либо специальный промысел, а вдобавок зачастую ведут торговлю. Имеет свою лавку и торгует своим товаром в различных городах нижегородский посадский человек Федот Ефимов, сын Сырейщиков, которому в 1686 г. дал жилую запись работный человек Федор Гаврилов сын Шепоткин⁶⁷, нанимают работников тяглецы, имеющие лавки в овощном, серебряном ряду, торгующие квасом⁶⁸. В двух имеющихся у нас случаях хозяевами яв-

⁶⁴ В. И. Троицкий также отмечает наем по жилым записям мастеров золотого и серебряного дела (см. В. И. Троицкий. Организация золотого и серебряного дела в Москве в XVII в. «Исторические записки», т. 12, стр. 122).

⁶⁵ См., напр., государственный архив Калининской обл. (далее. ГАКО), ф. 103, оп. 29, стлб. 46949 (жилая запись 1689 г.).

⁶⁶ Следует отметить, что все эти 11 записей относятся уже к началу XVIII в. (см. «Материалы по истории Башкирской АССР», т. III, М., 1949, № 30, 40, 41, 59 и др.).

⁶⁷ АЮБ, т. II, № 127/XV, стр. 34; см. также ЦГАДА, ф. Бутурлиных № 1442, оп. 2, № 31 (жилая запись 1685 г.).

⁶⁸ ГИМ, ОПИ, Собр. Забелина, ф. Донского монастыря, арх. № 953, стлб. 786 (I) (по описи Троицкого); В. И. Троицкий. Указ. соч., стр. 122; ГАКО, ф. 103, оп. 27, стлб. 43285.

ляются члены гостиной сотни — это говорит само за себя. Далее в качестве хозяев встречаются, но уже гораздо реже, упоминаемые Указом 1641 г. и Уложением «чины», которым предписывается давать жилые записи. В 3 случаях работников по жилой записи держат попы и другие духовные лица, в 5 случаях — дьяки и подьячие патриарших и Ямской приказов, Житенной двора и Козловской приказной избы⁶⁹. 5 жилых записей даны опять-таки владельческим крестьянам (в 1681, 1693, 1698 и 1699 гг.) Иногда наемной рабочей силой по жилой записи пользуются и служилые люди — у нас есть 4 подобные записи. Почти все жилые записи, написанные в Уфимской приказной избе, даны зажиточным скотоводам, башкирам или татарам. Наконец, 3 жилые записи даны властям Троицко-Гледенского монастыря.

Таким образом, в основном состав хозяев остается прежним — это жители городских посадов. Приток наемных работников на посад явление для второй половины XVII в. постоянное и обычное. В этом отношении очень характерен документ 1668 г., касающийся тяглецов Бронной слободы, к которым «приходят для работы неведомые люди, а они их принимают не записав». Как выясняется далее, людей этих держат «для учения кузнешного и станшного мастерства и работы». Жителям Бронной слободы предписывается строго соблюдать закон оформления таких работников⁷⁰.

В тех случаях, когда хозяева занимаются торговлей, имеют свои лавки, работники, нанятые по жилой записи, используются ими как приказчики и сидельцы в лавках⁷¹. Нанимающийся заранее соглашается «изделье делать» и «радеть в правду», если хозяин «посадит к какому промыслу»⁷².

Однако при рассмотрении жилых записей второй половины XVII в. мы сталкиваемся и с новыми весьма важными явлениями: это прежде всего случаи, когда один хозяин берет одновременно несколько работников по жилым записям. Например, вот перед нами некий Иван Гаврилов Бахтин — дворцовый сенной истопник по официальному положению⁷³, в действительности же это крупный хозяин, который имеет большую мастерскую золотого и серебряного дела. Производство в этой мастерской поставлено на широкую ногу. Он нанимает одновременно по жилым записям нескольких мастеров золотого и серебряного дела. Кроме того, он берет к себе двух учеников, в действительности являющихся подсобными рабочими, и вдобавок нанимает по жилым же записям двух сидельцев к себе в лавку в серебряном ряду. По 3—4 работника одновременно, живущих по жилым записям, имел и Пушкарского приказу колокольных дел мастер Федор Дмитриевич сын Моторин. О его состоятельности, о величине его производства можно судить по тому, что он выплачивал своим работникам солидную в то время сумму — около 50 руб. в год. В солеваренной промышленности Прикамья и в кожевенно-обувном производстве Нижнего Новгорода также отмечены работники по жилым записям⁷⁴.

Таким образом, можно предположить, что рабочая сила людей, нанимающихся по жилой записи, во второй половине XVII в. уже широко использовалась в городском мелкотоварном производстве. В наших

⁶⁹ ЦГАДА, ф. Топильских, № 1447/1 № 25 (жилая запись 1684 г.).

⁷⁰ ГАКО, ф. 103, оп. 29, стлб. 11754. (Подчеркнуто мной.— Н. Г.)

⁷¹ АЮБ, т. I, № 127/XV, стр. 34 (жилая запись 1686 г.).

⁷² ГАКО, ф. 103, оп. 28, стлб. 45590 (жилая запись 1680 г.).

⁷³ В. И. Троицкий. Указ. соч., стр. 122.

⁷⁴ АЮБ, т. I, № 113, стр. 703 и далее. См. также К. Н. Сербина. К вопросу об ученичестве в ремесле русского города XVII в., «Исторические записки», т. 18; Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке, М., 1957, стр. 203—205 и др.; А. М. Орехов. Товарное производство и наемный труд в промышленности по переработке животного сырья в Нижнем Новгороде XVII в. «Русское государство в XVII в.», Сб. статей, М., 1961, стр. 95—96 и др.

руках имеются и еще более интересные свидетельства. Вот жилая запись от 30 апреля 1688 г., данная гостю Владимиру Васильеву сыну Воронину, сфера деятельности которого, как известно, отнюдь не ограничивалась торговлей — он являлся владельцем довольно крупных железодельных заводов в Звенигородском уезде. Жилую запись дает к нему на завод кузнец Иван Афиногенов сын Небутов с условием «всякое кузнечное дело делать». Сразу на 6 человек рабочих людей оформил записи в Верхотурской приказной избе заводчик Д. А. Тумашев в 1671 г.⁷⁵ Эти факты свидетельствуют о том, что наемная рабочая сила по жилой записи во второй половине XVII в. использовалась и в развивающемся мануфактурном производстве — на частных предприятиях. Наконец, работники по жилым записям часто встречались на водном транспорте у различных предпринимателей⁷⁶.

Какие же изменения произошли в условиях, на которых заключалась жилая запись во второй половине XVII столетия по сравнению с первой его половиной? Несомненно сильно сократилось число жилых записей, даваемых на такой длинный и неопределенный срок, как «до смерти хозяина». Из 75 жилых записей таких только 4. В одном случае срок найма равен 26 годам⁷⁷, обычно же нанимаются по жилым записям во второй половине XVII в. на срок в пределах от 1 года до 10 лет, и в жилых записях точно обозначается величина денежной оплаты труда работника. Так, например, жилая запись 1675 г. ростовского посадского человека Терентия Яковлева дана последним кадашевцу торговому человеку на 4 года за 20 руб., которые работник взял «наперед». По жилой записи кузнеца Ивана Афиногенова сына Небутова на завод к гостю Воронину кузнец получает за 5 лет работы 25 руб. — из расчета по 5 руб. на год — и договаривается при этом «деньги имать погодно»⁷⁸. В записи 27 февраля 1687 г. нижегородского работного человека Михайла Андреева, данной им на 3 года нижегородским посадским людям братьям Прянишниковым, читаем: «А рядил я Михайло у них хозяев своих за тое свою работу всякой год по 2 рубли денег, а задатка взял я Михайло у них хозяев своих тое своей ряды наперед два рубли, а достальные свое рядные деньги взять мне Михайлу, как я те 3 годы отработаю сполна»⁷⁹. Можно было бы привести еще целый ряд подобных примеров.

Условия, таким образом, довольно разнообразны, оплата труда колеблется в пределах 1—5 руб. в год. Труд более квалифицированный оплачивался гораздо выше, чем труд чернорабочего. Так, кузнец получал в год 5 руб. (в 1688 г.), а работный человек без квалификации в то же время (в 1687 г.) — только по 2 руб. в год. Подобная градация имела место и среди людей квалифицированного труда. Иначе чем можно объяснить следующее: уже упоминавшийся нами мастер колокольного дела Федор Моторин нанимает почти одновременно двух работников, имеющих квалификацию в одном и том же колокольном деле (одного в 1689, а другого в 1690 г.), обоих сроком на 5 лет и платит одному из них по 40 руб.⁸⁰, а другому лишь по 3 руб. в год (и тот и другой на хозяй-

⁷⁵ ГИМ, ОПИ, Собр. Забелина, ф. 440, арх. № 1685; ЦГАДА, Верхотурская приказная изба, оп. I, стлб. 340, лл. 57 и сл.

⁷⁶ Подобные жилые записи 90-х годов приведены в книге: Н. А. Бакланова. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых, М., 1959, стр. 206, 208, 254.

⁷⁷ ЖМНП, 1917, № 2, стр. 260 (жилая запись 1651 г.).

⁷⁸ ГИМ, ОПИ, Собр. Забелина, ф. Донского монастыря, арх. № 953, № 786/1 (по описи Троицкого); там же, ф. 440, № 1685.

⁷⁹ АЮБ, т. II, № 162, стр. 514. Часть «наемных денег» или даже вся сумма найма нередко берется вперед. (АЮБ, т. I, № 113/VI, стр. 711; ГИМ, ОПИ, Собр. Забелина, ф. Донского монастыря, арх. № 830, № 1481 (по описи Троицкого)); ЦГАДА, ф. Бутурлиных, № 1442, оп. 2, № 31.

⁸⁰ Такой случай у нас только один, обычно работник с квалификацией получал по 5 руб. в год.

ских харчах)⁸¹. Таким образом, обученный наемный рабочий оплачивается по высшей цене. Кроме того, выше оплачивалась и такая работа, при которой хозяину приходилось доверять свое имущество работнику, — например, в случае, когда последний торговал у него в лавке или охранял склад запасов.

Стоит отметить один интересный факт: в жилых записях второй половины столетия появляется нечто вроде штрафа, взимаемого с работника за те или иные проступки. Так, в жилой записи 1687 г. рабочего нижегородского человека к посадским людям читаем: «а што я Михайло живучи всякого платья их или обуви истеряю, и мне Михайлу за то истерянное платье или за какую домовую посуду платить деньги по цене...»⁸². Подобным образом расчетливые хозяева стремились понизить оплату труда наемного работника — способ, имевший, как известно, большое будущее.

В связи с вопросом об условиях, на которых заключалась жилая запись, следует остановиться еще на нескольких моментах. Буржуазные историки, в том числе и Т. Н. Оберучева-Анциферова, много внимания уделяли тому, скольким людям одновременно может быть дана жилая запись одним лицом. Другими словами, сколько хозяев одновременно может быть у работника по жилой записи. По их мнению, в этом вопросе жилая запись проигрывает по сравнению со служилой кабалой: последняя давалась только одному лицу, а в жилой записи хозяевами обозначаются зачастую два брата, или муж и жена и т. д. Однако, если вопрос о том, скольким людям одновременно была дана служилая кабала, имеет принципиальное, жизненное значение, ибо в случае, если служилая кабала была бы дана двум и более лицам, она фактически превращала кабального человека в полного холопа, то к жилой записи это никакого отношения не имеет. В ней точно обозначено количество лет, которое работник обязался отработать, — 1, 3, 5, 10 при этом безразлично, распоряжения скольких хозяев он выполняет — одного или двух, или он подчиняется сразу всей семье. Мы склонны даже предположить, что в случае, если в жилой записи был обозначен только один хозяин и он умирал, работник дорабатывал уговоренный срок его наследникам (особенно в тех случаях, когда плата за труд была получена работником вперед), ибо в основе жилой записи лежат денежные отношения найма, интересы дела, для которого нанимаются рабочие руки, а не личное прикрепление работника к хозяину.

В связи с этим находится и вопрос об «отчуждении» живущих по жилым записям людей, поднятый В. О. Ключевским⁸³. Ключевский исходил при этом из отождествления отношений по жилым записям с холопством. В действительности и вопрос о передаче работника по жилой записи от одного хозяина к другому носит принципиально отличный характер. Поясним нашу мысль примером. В 1675 г. ростовский посадский человек Терентий Яковлев дал на себя кашашевцу Лариону Артемьеву жилую запись на 4 года и «взял у него за пожилое денег наперед 20 рублей и сидел от него в лавке в овощном ряду»⁸⁴. Однако в скором времени у Артемьева отпала, видимо, необходимость в таком работнике, и 14 августа того же 1675 г. он идет вместе со своим работником Терентием на двор к Семену Иванову сусальнику и договаривается отпустить к нему работника и «жилую запись Терешке выдать». Однако 20 руб. денег Яковлев сам возратить хозяину не может, и эти деньги должен отдать за него Семен сусальник, после чего последний может заключить

⁸¹ АЮБ, т. I, № 113, III, IV, стр. 706—708.

⁸² АЮБ, т. II, № 162, стр. 514.

⁸³ В. О. Ключевский. Происхождение крепостного права в России, стр. 301—302.

⁸⁴ ГИМ, ОПИ, Собр. Забелина, ф. Донского монастыря, арх. № 935, стлб. 786 (I) (по описи Троицкого).

с работником новый договор. По этой второй жилой записи Яковлев обязуется жить 7 лет у сусальника, который, плюс к 20 рублям, должен женить его на своей дворовой девушке и оплатить свадебный подъем. Ясно, что подобные случаи имеют мало общего с перепродажей холопов (а тем более с продажей крестьян, как утверждает Ключевский)⁸⁵.

В жилых записях второй половины столетия хозяева также стремятся гарантировать себя от потери рабочей силы в пределах договорного срока. Чаще всего в них обозначается неустойка, которую должен заплатить работник, если он уйдет до срока. Как правило, величина неустойки всегда больше суммы найма. В тех случаях, когда плата за труд получена работником вперед, он обязан обыкновенно в случае ухода до срока вернуть ее целиком. Условие доживать срок, вернув все деньги и «убытки», встретилось нам уже только два раза. Далеко не во всех жилых записях второй половины XVII в. встречается условие, дающее право хозяину наказывать и «смирять» работника⁸⁶.

Таким образом, во второй половине XVII в. отношения найма по жилой записи в какой-то мере начинают освобождаться от тяготевших над ними крепостнических привесков⁸⁷.

Законодательство второй половины XVII и начала XVIII в. уделяло довольно много внимания отношениям по жилым записям. Первым из имеющихся в наших руках законодательных документов по этому вопросу является указ 22 мая 1680 г. Этот указ найден М. Дьяконовым не в подлиннике, а в переложении, в книгах Вотчинной конторы по г. Пскову и в книгах по Нижнему Новгороду⁸⁸. Указ говорит о порядке взимания пошлин с различных документов и в том числе с жилых записей, на которых он останавливается подробнее. Прежде всего делается ссылка на предыдущие постановления. Предписывается «житейские записи записывать в городех воеводам и приказным людям по указу великого государя⁸⁹ и по Уложению». Указ останавливается на трех вопросах: кто держит работников по жилым записям; на сколько лет должны даваться жилые записи; какая пошлина должна взиматься с этих документов.

Указ 1680 г. почти дословно повторяет предыдущие установления, перечисляя в ряду нанимателей: посадских людей, попов, дьяконов, церковных причетников, боярских людей и т. д. Однако в вопросе о том, на сколько лет могут даваться жилые записи, мы сталкиваемся с новыми моментами. Прежде всего новостью является сама постановка этого вопроса. До этого законодательство в отношении всех жилых записей ограничивалось общим установлением, что они могут даваться или до смерти господина, или на урочные лета⁹⁰. Только детям и родственникам тяглых людей запрещалось давать на себя жилые записи более чем на 5 лет. Теперь же, по указу 1680 г. вообще все жилые записи разрешается писать не более как на 5 лет.

⁸⁵ В приведенном случае Семен сусальник хотел схитрить и взял на Яковлева новую жилую запись, не заплатив по договору 20 руб. кадашевцу Артемьеву. В результате последний забрал своего работника обратно.

⁸⁶ См., напр., жилую запись 1688 г. (ГИМ, ОПИ, Собр. Забелина, ф. 440, арх. № 1685). В то же время и для второй половины века у нас есть ряд примеров, когда при написании жилой записи применялось ничем не прикрытое насилие (ГИМ, ОПИ, Собр. Забелина, ф. Донского монастыря, арх. № 935, инв. № 45926/77, 45926/56 (по описи Троицкого)).

⁸⁷ Особого внимания заслуживают жилые записи на ремесленных учеников и так называемые поручные жилые записи дворников. Не анализируя их в данной статье за неизменением места, считаем лишь необходимым подчеркнуть, что жилая запись на ученика — это всегда прежде всего способ привлечения рабочей силы путем найма работника на урочные годы.

⁸⁸ См. М. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве XVI—XVII вв., СПб., 1898, стр. 283 (прим.).

⁸⁹ Несомненно имеется в виду указ, изложенный приказной памятью 1641 г.

⁹⁰ «Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года», гл. XX, ст. 44.

Растущая потребность развивающегося хозяйства страны в наемном труде заставила законодательство сделать большой шаг вперед. В интересах людей, нуждающихся в наемных рабочих руках, срок пребывания работника у одного хозяина был ограничен 5 годами. Жилые записи на срок до смерти хозяина, уже почти совсем изжитые на практике, этим указом упразднились вообще. После 1680 г. нам не встретилось уже ни одной такой записи. В основной своей массе жилые записи не переступают 5-летнего срока. После 1680 г. мы имеем лишь две жилые записи, данные на 10 и одну — на 14 лет, наибольшее же количество записей дается на год, 3—5 лет.

Указ 22 мая 1680 г. вносит новое также и в вопрос о пошлине, взимаемой с жилых записей. Учитывая практику составления жилых записей, когда сплошь и рядом в них стояло лишь обозначение суммы найма и не было «заряда», указ предписывает брать пошлину с любых денег, обозначенных в записи. При этом, если в записи была обозначена и сумма найма и «заряд», то пошлина бралась с того, что было больше⁹¹.

Таким образом, указ 1680 г. является свидетельством дальнейшего успешного развития отношений найма по жилым записям в хозяйстве страны.

Значительный материал по вопросу о жилых записях дают указы, помещенные в Полном Собрании Законов. Это прежде всего указ 24 июня 1693 г.⁹², в котором выставлено требование учинить переписи всем пришлым людям «чей, кто и откуда пришел и почему, и кто у кого живет, и в тягло записались ли, или живут по наемным жилым записям в работе в наймах, а не в тягле...». Для нас в этом указе особую ценность и интерес представляет характеристика, которая дается жилым записям. Законодательство конца XVII в. прямо называет их наемными записями на работу.

Указ от 29 сентября 1699 г.⁹³, данный из приказа Большого Дворца Бургомисторской палате, посвящен вопросу о сборе пошлин. Однако, как и указ 1680 г., он попутно сообщает еще ряд сведений о жилых записях. Во-первых, он подтверждает наше положение о том, что отношение по жилой ученической записи — это тот же наем рабочей силы. Указ прямо говорит: «а по наемным жилым записям, по которым кто у кого живет в ученье какого мастерства или в работе урочные годы и что тому ученику или наемщику имеется рядных денег взять на все годы...»; т. е. и жилые записи и жилые ученические записи — это для законодательства одинаково жилые наемные записи, и по тем и другим работник получает наемную плату за труд. Во-вторых, указ обращает внимание на то, что бывают случаи, когда в наемных жилых записях количество «рядных денег не написано», хотя оплата труда всегда имеется. В отношении пошлины указ расшифровывает установление 1680 г. и предписывает брать с каждого рубля «рядных денег» по алтыну, а если наемные деньги не указаны, то брать по алтыну же с каждого рубля «заряда». В случае, когда не указана ни сумма найма, ни сумма «заряда», как это имеет место в жилых поручных записях наемных дворян, устанавливается единая пошлина «по три алтына по две деньги с записи». Таким образом, к концу XVII в. законодательство, базируясь на практике, выработало уже точные нормы для различных видов жилых записей, расценивая их в целом как наемные записи на работу.

В течение первого десятилетия XVIII в. появился еще целый ряд указов, касающихся отношений по жилым записям и преследующих цель дальнейшего высвобождения их от кабально-крепостнических элементов⁹⁴. Но подробное их рассмотрение уже не входит в нашу задачу.

⁹¹ См., напр., АЮБ, т. II, № 162, стр. 514.

⁹² ПСЗ, т. III, № 1671, стр. 159. (Подчеркнуто мной.— Н. Г.)

⁹³ ПСЗ, т. III, № 1698, стр. 647.

⁹⁴ ПСЗ, т. IV, № 1833, стр. 134; № 1838, стр. 155; № 1850, стр. 164, № 2080, стр. 326.

Отметим только, что указ от 6 ноября 1705 г. сообщает дополнительные сведения о применении наемного труда по жилым записям. Он говорит о жилых записях «в надворничестве, на торговых сидельцев, и при всяких промыслах и в плавных путях на приказчиков и работников, и домовных и в мастерствах на учеников жилые в годы». Указы начала XVIII в. повышают пошлину, которой облагались жилые записи. При чем делается это наиболее выгодным для государства образом. Все жилые записи «до 6 рублей» (т. е. в которых сумма найма или неустойки не превышает 6 руб) обкладываются пошлиной в размере по 3 алтына две деньги с каждого рубля, а жилые записи «свыше 6 рублей», — в размере 3 денег с рубля⁹⁵. Так как чаще всего встречались именно жилые записи на небольшой срок (1—2—3 года) с невысокой оплатой («заряд» в записях с небольшим сроком тоже был обыкновенно небольшим), подобный порядок сбора пошлин сулил казне наибольший доход.

Законодательство признает тот факт, что зависимые крестьяне все-таки нанимаются в работу по жилым записям, вопреки запрету Уложения, и мирится с таким положением, предписывая только «те на них жилые записи записывать в монастырском приказе...». Не довольствуясь существующим общим установлением не давать жилые записи более как на 5 лет, указ еще раз подчеркивает необходимость соблюдения этого правила при составлении жилых записей на зависимых крестьян и их детей, заботясь в данном случае об интересах их владельцев. Указ от 27 июня 1709 г. признает право наниматься по наемным жилым записям «для работы всяких чинов у людей» и за дворцовыми крестьянами⁹⁶.

Жилые записи существовали и в последующие десятилетия XVIII в.⁹⁷

Итак, жилая запись несомненно в основе своей является зачатком договора найма рабочей силы, однако в условиях господства крепостнических отношений он носит полукабальный характер. Это отнюдь не капиталистический свободный договор «на свободном рынке»⁹⁸. В течение второй половины XVII в. отношения найма по жилой записи все более развиваются, освобождаясь от ряда крепостнических привесков. Важнейшими источниками, откуда черпается наемная рабочая сила по жилым записям, становятся разоряющиеся посадские низы и отпускаемые на оброк владельческие крестьяне. Рабочая сила людей, нанимающихся по жилым записям во второй половине XVII в., широко используется в городах: в торговле и в мелкотоварном производстве, на сплавных путях, а также начинает применяться в развивающемся мануфактурном производстве. Оплата труда наемных по жилой записи работников во второй половине XVII столетия, хотя и несколько повышается по сравнению с первой половиной века, но все же остается на низком уровне. Законодательство второй половины XVII в. под влиянием растущей потребности города в наемном труде вынуждено способствовать развитию найма в форме жилых записей, открыто рассматривая последние как наемные записи на работу. В XVII в. жилая запись была, видимо, единственной признанной законом формой регистрации более или менее постоянного найма.

Разумеется, жизнь рождала большое разнообразие форм и отношения найма не исчерпывались жилыми записями. В частности, широкое распространение получила практика по преимуществу кратковременной наемной работы без какого бы то ни было письменного акта, на основе одного устного договора. Но это уже предмет другого исследования.

⁹⁵ ПСЗ, т. IV, № 1838, стр. 155; № 1850, стр. 164; № 2080, стр. 326.

⁹⁶ ПСЗ, т. IV, № 1920, стр. 200; № 2200, стр. 411.

⁹⁷ ПСЗ, т. X, № 7594, стр. 505; т. XX, № 15024, стр. 951. О дальнейшем развитии в области мануфактурного производства XVIII в. отношений, аналогичных отраженным в жилых записях, см. Е. И. Заозерская. Мануфактура при Петре I, М.—Л., 1947, стр. 112.

⁹⁸ В. И. Ленин. ПСС, т. 17, стр. 72.